УДК 17.023.32:32

ТЕРНОВАЯ Л.О.

Национальная мечта как индикатор и инструмент формирования политической реальности

Нациям так же, как и отдельным людям, свойственно мечтать. Национальная мечта движет общество вперед и одновременно не позволяет ему забывать прошлое. В отличие от имеющихся во многих странах программ национального развития в каких-либо областях, национальных стратегий и доктрин, формулирующих цели развития, национальная мечта определяет наличие в государстве и обществе состояния счастья. Показатель национального счастья в последние годы стал критерием эффективной внутренней и внешней политики. Сложности интегрирования этого показателя в систему ранжирования государств заключаются в зыбкости понимания слагаемых национального счастья, к которым помимо мечты относятся столь же тонкие материи социологии воображения, как вера, надежда, отчаяние, чудо, сказка и др. Не меньше сложностей заключается в том, что национальная мечта как индикатор и инструмент формирования политической реальности проявляется в разных странах в различных моделях: национальной идеи, мечты – свободной конкуренции, мечты – избирательного проекта и др. Все это осложняет не только возможность использования такого опыта в формулировании национальной мечты, но и мечты глобальной.

Ключевые слова: международные отношения, социология воображения, счастье, национальная мечта, мировое правительство, глобальное управление.

«Это невозможно!» – сказала Причина.
«Это безрассудство!» – заметил Опыт.
«Это бесполезно!» – отрезала Гордость.
«Попробуй...» – шепнула Мечта.

Часто бывает так, что ответ на самый простой, очевидный вопрос ставит в тупик. За внешней простотой проблемы скрывается глубокий пласт обстоятельств различного толка, которые всплывают при первой же попытке ее осмысления. К таким простым вопросам относится вопрос о мечте, не только о создании воображения, но и о желании достичь того, что обещает состояние счастья. Поскольку в последнее время счастье превратилось в категорию международных отношений, то и все, что способствует или препятствует ему, в том числе мечта, также должно стать предметом анализа в рамках изучения социальных представлений и политического поведения социальных групп, национальных общностей, межгосударственных связей.

Обозначить роль мечты в достижении счастья невозможно, не прибегая к методу дихотомии, который помогает идти от сущности одного понятия к его противоположности. Отталкиваясь от реальной картины внутриполитической жизни или международной ситуации, можно понять, почему с приближением к нашим дням мечта из тематики романтической литературы превращается в политическое клише, все чаще и чаще обнаруживающее свою пропагандистскую эффективность.

Мечта – изначальная характеристика человеческого разума, важнейший инструмент строительства индивидуальной и коллективной картины мира. Она является необходимым условием преобразования действительности, побудительной причиной, мотивом деятельности, окончательное завершение которой представлялось ранее отсроченным. Слово «мечта» имеет аналоги практически во всех языках мира: «dream» – в английском языке, «reve» – во французском,

«Traum» – в немецком, «sogno» – в итальянском, «ensueno» – в испанском и т.д. В русском языке это слово считается заимствованным из старославянского, восходящим к той же основе, что и мигать «мерцать, сверкать». Мечта есть особая форма воображения, а потому она может представляться в самых разных обличиях, превращаясь в мечтания, грезы, видения, фантазии. Иногда мечта оказывается результатом дум, не подкрепленных реальными основаниями, и тогда она становится иллюзией, самообманом, самообольщением. Печальнее, когда химеры, утопии, а то и просто бредни приобретают характер политических лозунгов и отталкивающихся от них социальных и экономических проектов.

Константин Паустовский в «Повести о жизни» замечает: «Моя мечта была явно несбыточна. Но от этого она не умирала»[1]. Когда эти слова говорит писатель, то понятно, что жизнеспособность мечты он обеспечивает своим творчеством. Но ведь точно так же и народ в своей повседневной заботе, своем творчестве создает условия для поддержания огонька жизни в национальной мечте. И здесь нельзя недооценивать ни один из инструментов поддержания силы этого горения мечты. Дмитрий Петров, лингвист-полиглот, владеющий более чем 30 языками, один из самых известных в России переводчиков-синхронистов, хорошо знакомый с теми законами, по которым живут языки, замечает: «Язык должен быть обращен в будущее. При всем уважении к фольклору и эпосу, язык – это то, что меняется каждый день. И чем больше он способен к адаптации, к восприятию новых явлений, к эволюции – тем более он жизнеспособен, с тем большей степенью вероятности он выживет в современном мире. Живой язык – это то, что может стать локомотивом нации. Очень сильный, но и хрупкий инструмент. Он может восприниматься как один из важных объектов национальной мечты»[2].

Несмотря на наличие понятия «мечта» в каждой национальной языковой картине мира, само его наполнение, неуловимость и недостижимость мечты заставляли людей на протяжении всей истории человечества «гнаться за мечтой», которая порой виделась очень далеко. Отсюда очевидной становится определяющая роль мечты в побуждении людей к миграции в дальние края, туда, где скрывается мечта. Так, основы «американской мечты» были рождены еще до открытия Америки. Историк литературы Соединенных Штатов Джилберт Чайнард писал: «Идея Америки сама становилась частью культурной традиции Европы. Как состояние ума и как мечта Америка существовала задолго до того, как ее открыли. С самых ранних дней западной цивилизации люди мечтали о потерянном Рае, о Золотом веке, где было бы изобилие, не было войн и изнурительного труда. С первыми сведениями о Новом Свете возникло ощущение, что эти мечты и стремления становятся фактом, географической реальностью, открывающей неограниченные возможности»[3] . Мечта окрыляла тысячи искателей земли за Атлантикой тогда, когда ожидался конец света, потому как мир сотворен был всего на 7000 лет. А 1492 г. – время открытия Америки Колумбом – седьмой миллениум. Хотя летоисчисление от Сотворения мира использовалось в основном на Руси, эсхатологические настроения имели способность распространяться, подобно инфекции, повсеместно. Так, и где-то на западе Европы крестьяне отказывались от сельскохозяйственных работ, в результате чего в 1492-м наступил страшнейший голод.

Пока в Новом Свете мечта обретала реальность посредством практического приложения усилий населения сначала британских колоний, а затем американского независимого государства, в Старом Свете мечта окрашивалась романтическим ореолом. Тому способствовали конкретные личности своим завораживающим примером воплощения мечты, например Наполеон. Именно в наполеоновское время появляется роман «Генрих фон Офтердинген» (1802) немецкого писателя и философа Новалиса, где в основе сюжета лежит легенда о волшебном голубом цветке, утверждающая наличие связи мечты, грез человека с его умонастроением, поступками и реальностью. В немецкой романтической литературе утвердился образ голубого цветка как символ несбыточной мечты, идеала. Но выражение

«голубая мечта» стало итогом осмысления связи мечты и реальности в России, где романтизмом розовых и голубых тонов были окрашены представления и о том, что может сбыться, и о том, что, скорее всего, не сбудется никогда. Поэтому стала возможной революция в стране, которая могла поверить тому политику, кого Герберт Уэллс в «России во мгле» называл «кремлевским мечтателем»[4].

За время, пошедшее от появления признаков влияния мечты не только на личные жизненные проекты, но и на внутреннюю и внешнюю политику государств, национальная мечта проявилась в разных вариантах, отразивших как национальный менталитет и политическую культуру, так и гибкость подлаживания под конкретные политические условия.

Наиболее велика ценность воображения, когда оно облекается в мечту, способную увлечь миллионы. Так, «американская мечта» превратилась в национальную идею США. К этой ценности часто обращались политики и общественные деятели на протяжении всей американской истории. Центральным в этой картине мира можно считать образ «Града на Холме» (Cityupon a Hill)[5]. Применительно к Новому Свету он был декларирован в 1630 г. теологом-конгрегационалистом, религиозным и политическим деятелем Джоном Уинтропом, который призывал к созданию мира, где каждый мог бы найти себе средства для пропитания и сам выбирать способы приложения своих сил, где голос каждого мог бы быть услышан, а собственность человека не могла быть отчуждена от него в результате произвола сильных и богатых. Пуритане, к которым в своей проповеди обращался Уинтроп, должны были стать создателями мира, возвышающегося над миром старым, где грех и несправедливость торжествовали чаще, чем святость и добро.

Частота обращения к идее «Града на Холме» позволила историку Сэквану Берковичу прийти к выводу, что США явились уникальным образцом страны, основанной на коллективной фантазии[6]. Но если бы коллективная фантазия постоянно не получала подкрепления со стороны индивидуальной, она не могла бы привести к формированию общей национальной мечты. Модель того, как, на каких основах вырастала индивидуальная мечта американцев, продемонстрировал один из самых популярных писателей США конца XIX в. Горацио Алджер[7]. В его книгах рассказывалось о героях из бедных низов, которые своим трудом, целеустремленностью и отвагой добивались небывалого успеха. То были и американский вариант сказки о Золушке, в несколько мгновений преобразившейся из замарашки в лохмотьях в принцессу, и отражение мечты не просто разбогатеть, но и получить наслаждение от богатства.

Источником словосочетания «американская мечта» считается написанный в период Великой Депрессии в жанре исторического эссе трактат Джеймса Траслоу Адамса «Эпос Америки» («The Epic of America», 1931)[8]. Адамс попросил издателя дать книге название «Американская мечта», но тот отказался, заявив, что настоящий американец никогда не потратит 3,50 долл. на покупку мечты. Автор возражал, замечая, что настоящий американец всегда готов истратить на мечту все до последнего цента, а издатель настоял на своем[9]. В раскрытии сути «американской мечты» есть вклад таких книг, как «Американский претендент» Марка Твена, «Сын Америки» Ричарда Райта, «Американская трагедия» Теодора Драйзера, «Великий Гэтсби» Френсиса Скотта Фицджеральда, «Американская земля» Эрскина Колдуэлла, «Путешествия с Чарли в поисках Америки» Джона Стейнбека, а также тех, где слово мечта прямо фигурирует в названии: «Американская мечта» Эдварда Олби, «Американская мечта» Норманна Мейлера, «Реквием по мечте» Хьюберта Сэлби Младшего, «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Дикое путешествие в сердце американской мечты» Хантера Томпсона.

В XX столетии без мобилизации силы мечты, фантазии, сказки в реализации так необходимых обществу социальных и политических преобразований не мог обойтись ни один успешный политик или государственный деятель Соединенных Штатов.

4 марта 1933 г. в речи при вступлении в должность президента США Франклин Рузвельт представил программу вывода страны из кризиса, объяснив, что «изобилие

находится на расстоянии вытянутой руки, но при этом мы не в состоянии воспользоваться им в полной мере.

Прежде всего потому, что те, кто руководит обменом продуктов человеческого труда, потерпели поражение из-за собственного упрямства и некомпетентности, признали свое поражение и умыли руки. Приемы беспринципных менял подлежат суду общественного мнения – они противны всем человеческим чувствам и разуму. Да, они пытались, но их попытки не выходили за рамки отжившей свое традиции. Столкнувшись с невыплатой кредитов, они смогли предложить лишь еще большие кредиты.

Лишившись возможности приманивать людей прибылью, они прибегли к увещеваниям, слезно умоляя вернуть им прежние условия. Им известны лишь правила поколения корыстолюбцев.

У них нет мечты, а без мечты человек обречен...»[10]

Джон Кеннеди утверждал, что отсутствие мечты губит народ. Мартин Лютер Кинг произнес знаменитую речь «У меня есть мечта»[11], в которой говорил: «И сейчас, и в будущем нас ждут трудности, у меня все же есть мечта. И корни этой мечты глубоко уходят в американскую мечту»[12]. Сенатор Эдвард Кеннеди одним из первых среди представителей политического истеблишмента США поддержал Барака Обаму, благословив тогда малоизвестного сенатора из Иллинойса на сцене Американского университета в Вашингтоне на президентство, увидев в нем человека, готового и способного нести мечту братьев Кеннеди. Предлагая кандидатуру Барака Обамы в качестве кандидата в президенты на съезде Демократической партии, он произнес: «Надежда еще не умерла! Мечта еще живет!». Таким образом, он озвучил и собственные амбиции, связанные с этой высокой должностью и еще более высокой миссией поддерживать «американскую мечту»[13].

Следует учитывать различие декларации мечты как части политической программы и мечты как составляющей этос нации. Где-то, как, например, в США, последняя акцентирована больше, а где-то меньше. Многие современные исследователи, обращающиеся к феномену «американской мечты», приходят к заключению, что ее основой является принцип индивидуальной свободы. Сотрудники исследовательского центра Urban Institute Изабелл Саухил и Дэниел Мак Муррер в работе «Американские мечты и разочарования: за уровнем игрового поля» определяют американскую мечту как веру в открытое и динамичное общество, в индивидуальные возможности, в то, что каждое следующее поколение будет жить лучше, чем предыдущее[14].

Для американцев опора на ценности свободы, вера в индивидуальный успех стали конструктивными деталями построения объекта мечтаний, во многом отличающегося от конструктов желаемого у других национальных общностей. Видение этого отличия дало основание американскому писателю, эссеисту, профессору социологии Колумбийского университета, члену редколлегии журнала «Dissent» Тодду Гитлину задаться вопросами, а существует ли какая-либо другая нация, которая бы столь же тесно идентифицировала себя с мечтой? существует ли Испанская или Пакистанская мечта? была ли Римская мечта? Танская мечта? Габсбургская или Наполеоновская мечта? Одно дело – иметь представление, взывать к славе и разуму или во имя славы и разума – к арийскому господству как национальной цели и другое дело – идентифицировать нацию с чем-то столь иллюзорным, как мечта[15].

Заметим, что Гитлин, являясь легендарной фигурой американского левого протестного движения – в 1960-е гг. он был одним из лидеров студенческих антивоенных выступлений, главой организации «Студенты за демократическое общество» (СДО), – сам во многом воплотил представления об «американской мечте». Название его книги «Сумерки общих мечтаний: Почему Америка охвачена войнами культуры?» в 1996 г. вдохновило исследователей в США на создание некоммерческой организации веб-сайта, в названиях которых отражена идея общей мечты – «CommonDreamsNewsCenter» и «CommonDreams.org». На сайте публикуются новости, редакционные статьи, а также сообщения из множества разнообразных источников. Некоммерческая организация

«Общие мечты» была основана политическим консультантом Крейгом Брауном, который работал на ряде президентских кампаний. Организация и сайт отличаются тем, что не размещают рекламу. Поддержание сайта за счет взносов его членов и читателей, грантов благотворительных фондов позволяет сохранять его независимость как средства массовой информации. Более того, такая финансовая независимость дает возможность высказывать мнения, идущие вразрез с официальной политикой, например, во время войны в Косово или в Ираке. Операция США и их союзников в Ираке началась в марте 2003 г., а к августу commondreams.org продала четверть миллиона стикеров с надписью «Attack Iraq? NO!». Среди авторов, чьи статьи публикуются на сайте, можно увидеть Эрика Альтермана, Ноама Хомского, Эми Гудман, Наоми Кляйн, Пола Кругмана, Майкла Мура и др., которые имеют собственное видение «американской мечты».

Национальная идея всеобъемлюща, а потому идею «американской мечты», оказалось, можно выразить в игровой форме. Компания «Nihaoareyou»[16] выпустила образовательную игру «AmericanDreams» для содействия взаимопониманию между США и КНР. Она позволяет пользователям играть в онлайн-мире университетов, иметь доступ к лекциям из любой точки мира[17] . Бета-версия игры доступна в 12 странах, в том числе в Турции, Индонезии, Бразилии, Индии. Из игры участники могут перейти в видеотрансляцию реальной аудитории американского вуза. «Nihaoareyou» с партнерами из AbileneChristianUniversity (Техас) предлагает курсы на английском языке, расширяет учебную программу, добавив возможности включения в игру лекций из Гарварда, Стэнфорда, Йеля. Игра предлагает онлайн-уроки, презентации и пр., помогая в получении образования по американской модели, приближая к «американской мечте».

На самом деле вопрос о наличии национальной мечты у других общностей помимо американской, который задавал Гитлин, можно отнести к риторическим. Мечта – имманентная характеристика воображения социума. Она может не получать ярко выраженного проявления ни в общественной и политической практике, ни в художественной литературе, ни в повседневности. «Американская мечта» отличается от моделей национальной мечты в других странах одновременной артикуляцией во всех перечисленных областях. Именно это позволяет характеризовать «американскую мечту» как национальную идею. В тех же странах, где широта проявления мечтаний была ограничена какой-либо одной областью, поэтизация мечты могла сыграть злую шутку и с теми, кто ее провозглашал, и со всем народом.

Как раз это и происходило с «немецкой мечтой» XIX – начала XX в., которую условно назовем «мечтой – бидермейер». Бидермейер (нем. Biedermeier) – художественный стиль, направление в немецком и австрийском искусстве, в первую очередь в архитектуре и дизайне, получивший распространение в 1815–1848 гг. Истоки названия стиля восходят к псевдониму немецкого поэта Людвига Эйхродта – «Готлиб Бидермейер», под которым он печатал в журналах эпиграммы. Немецкое слово «Bieder» означает «простодушный, обывательский», поэтому автор эпиграмм представлялся публике как «простодушный господин Майер». Бидермейер стал отражением социальной и политической неустроенности человека того времени, заставлявшей его искать покой в погружении в семью, в круг друзей, в маленькие жизненные радости. Они оказывались настолько значимыми, что заслоняли крупные проблемы, выдвигались в центр Вселенной обычного человека, который волей-неволей превращался в обывателя. А ему было свойственно ценить то, что рядом, то, что близко. И на этом могли прекрасно спекулировать отдельные политические силы, наживая политический капитал, как только привычный мир «мечты–бидермейера» начинал давать трещины.

Так было после первой мировой войны, в которой Германия потерпела поражение. Зыбкость почвы под немецкой мечтой была отличной платформой для нацистской пропаганды. Здесь следует отметить книгу Альфреда Розенберга, который в Третьем рейхе был заместителем фюрера по вопросам идеологии и рейхсминистром по делам оккупированных

территорий, «Миф XX века». В этом одном из самых скандально известных сочинений прошлого столетия, вызвавшем бурю протестов со стороны политиков, ученых, деятелей церкви, мечтатели предстают как люди действия, а мечта – как то, за что надо бороться. Но если бы все ограничивалось романтическими примерами и даже антиеврейскими нападками, то вряд ли бы столь организованный и вместе с тем романтичный народ, как немцы, внял бы подобным рассуждениям. «Мечта – бидермейер» должна была воплощаться в картинку личной и семейной устроенности. Это чутко улавливал Адольф Гитлер, который мечтал о Германии, в которой каждый немец будет иметь свой маленький домик, маленький садик и ездить на своем маленьком «народном» автомобиле (Volks-Wagen). Гитлер понимал, что важно практическими шагами приближать эту мечту, поэтому 26 мая 1938 г. лично заложил первый камень на строительство завода «Фольксваген».

Жертвы, принесенные Германией и миром во время второй мировой войны, разрушили и основы «мечты – бидермейер». Эта мечта потеряла камерность, при этом некоторые элементы прежнего конструкта оказались востребованными в новой «немецкой мечте», которую можно назвать воплощением модели «мечта – свободная конкуренция». «И ХДС/ХСС, и Мерседес с Ауди, и СДПГ преодолели полувековой этап своего развития, доказали свою приспособленность к постоянно меняющимся условиям рынка и политической конкуренции, и сегодня они – бренды. Их покупают, за них голосуют, ими гордятся. Политическая конкуренция диктует свои правила, и в 1980-х годах в германском парламенте появилась новая партия. Это были «Зеленые». Именно германские «Зеленые» стали родоначальниками европейской тенденции политизации экологических движений. Заняв один раз место в германском парламенте, они и сегодня продолжают выражать там волю от 7 до 12 процентов всех германских избирателей. Ромашка – эмблема «Зеленых» – стала брендом успешного продвижения экологических инициатив. Бывший «зеленый» Йошка Фишер даже был министром иностранных дел Германии. Человек, в 1980-е годы принимавший участие в стычках с полицией и имевший репутацию «бунтаря», через двадцать лет представлял Германию на международной арене. Что это, как не воплощение в жизнь германской мечты? Из страны, где к власти могут демократическим путем прийти фашисты, Германия превратилась в страну, где во власти находятся представители народных инициатив, бунтари 1980-х. Это положительно отразилось на восприятии бренда «Германия» в мире в целом. Сегодня Германия – это не только надежность и точность, но и политическая конкуренция»[18]. Опыт Германии показывает, что на изменение рамочных представлений о национальной мечте внешние обстоятельства могут оказывать влияние гораздо большее, чем внутренние причины.

Изменение взаимодействия внешних и внутренних факторов возникновения национальной мечты особенно интересно проследить на примере Израиля. Тысячелетняя «мечта еврейского народа о Земле Обетованной» воплотилась в положении Декларации независимости Израиля, что: «Государство Израиль будет открыто для репатриации и объединения в нем рассеянных по свету евреев. Оно будет зиждиться на основах свободы, справедливости и мира, в соответствии с идеалами еврейских пророков»[19]. Действительно, коллективная мечта дала возможность евреям собраться вместе на исторической родине, построить национальный дом и отвоевать место на карте мира. Именно мечта об этом послужила пророческой картой, на которой был проложен маршрут по созданию государства. Однако такая мечта, поддерживаемая на протяжении долгого времени до образования государства Израиль, неизбежно должна была обрести новые контуры и их новое наполнение после его появления и укрепления. А поскольку в политике, политическом прогнозе нельзя не учитывать настроения молодежи, особый интерес в точки зрения понимания сущности современной «израильской мечты» вызывает то, о чем мечтает современная израильская молодежь. В эпоху постсионизма[20] прежние идеи забыты, не занимают значимого места ни в сознании, ни в подсознании сабры[21]. Как показали результаты исследования, проведенного по

заказу израильской газеты «The Marker» компанией «Panels»[22], 86% израильтян имеют мечты, 14% – обходятся без них. Оказалось, во-первых, что израильская мечта прагматична и исполнима: 35% опрошенных уверены, что смогут воплотить свои мечты в реальность, 50% намерены приложить для этого все усилия. Во-вторых, израильская мечта включает в себя не только личные, но и общественные интересы: для 27% опрошенных главное – работать на благо общества и 15% хотели бы создать что-то новое, изменить мир. В-третьих, израильская мечта традиционна: 40% мечтают об успешной карьере, о продвижении на более влиятельные позиции, 35% – о захватывающей работе, 18% мечтают открыть собственное дело. В-четвертых, израильская мечта духовна: достичь гармонии мечтают 37% опрошенных, 25% стремятся к здоровому образу жизни, 25% мечтают путешествовать. Лишь 20% хотят выиграть миллион в лотерею. Мечта о собственной вилле вдохновляет только 10%[23]. Возможно, редкость и даже парадоксальность модели «мечты-реальности» определяется спецификой ситуации не только в Израиле, но и на Ближнем Востоке в целом, которая заставляет жить здесь и сейчас и ценить именно то, что есть здесь и сейчас.

Еще одна модель национальной мечты построена на том основании, что картинка жизни другой страны воспринималась как результат воплощения ее национальной мечты. Точкой невозврата в крушении социализма в странах Восточной Европы стала «ночь свиданий» с 9 на 10 ноября 1989 г. в ГДР, когда тысячи граждан, оказавшись на территории Западного Берлина, воочию убедились в скудности даже «витринного» социализма. О действенности образов «мечты-визуализации» говорит своеобразное выражение «чешской мечты» в документальном фильме-акции с таким же названием – «Cesky sen»[24]. Это дипломная работа студентов Вита Клусака и Филипа Ремунды. Фильм является описанием социального эксперимента, снятым на грант Министерства культуры. В чистом поле за Прагой были поставлены строительные леса 10х100 м, обтянутые с одной стороны цветной пленкой так, чтобы издалека казались стеной магазина. Предварительно был реализован рекламный проект: на улицах Праги размещены 400 билбордов, роздано 200 тыс. листовок, реклама шла по телевидению, авторам фильма сменили имидж, преобразив их в успешных менеджеров. Была написана песенка, которую спел детский хор во главе с профессиональной певицей:

Сколько видов у счастья,
Сколько красок у мечты,
Как в пасмурный день
Могут розы цвести?
Можешь видеть, что хочешь,
И без розовых очков,
Жизнь течет незаметно,
Верь в правду, а не в ложь.
[Припев]
Попробуй смотреть глазами ребенка,
Столько вещей кружит голову,
Целый мир можешь иметь,
Стоит только захотеть
Что угодно для тебя,
Ну а если денег нет,
Просто одолжи, а потом скажи:
Пусть исполнится моя мечта.

31 мая 2003 г. поглядеть на открытие «гипермаркета» и купить разрекламированный дешевый телевизор пришло около 3 тыс. пражан и гостей столицы Чехии. Но это нельзя считать результатом обмана: слоганы не призывали приходить на открытие; логотип изображал из себя пару мыльных пузырей; никто не ушел с пустыми руками – всем вручили флажки, значки и т.д. Фильм обратил внимание на то, что супермаркеты как носители мечты становятся мощным инструментом инфантилизации населения. Но в нем был и международный посыл: в то время проходила активная кампания, призывающая чехов поддержать вступление в Евросоюз. Авторы прямым текстом говорили, что раз можно, прорекламировав несуществующий гипермаркет, обмануть тысячи людей, почему нельзя обмануть 10 миллионов, не уверенных, нужна ли им единая Европа. Позже рекламщики превратили фильм «Чешская мечта» в узнаваемый бренд, а Чехия все-таки вступила в ЕС. Внимание к этой визуализации «чешской мечты» обусловлено тем, что ее можно с некоторой долей условности экстраполировать на общую «восточноевропейскую мечту»,

которая после 1989 г. сначала обрела четко выраженный западноевропейский дух, а в конце первого десятилетия XXI в. начала вновь осмысливаться в координатах восточноевропейской региональной идентичности. Это и позволяет говорить о наличии модели «мечты – геоцивилизационной идентичности», более широкой, чем национальная мечта.

Национальная мечта может выступать как инструмент избирательной кампании. Именно такая модель воплотилась в «грузинской мечте». В декабре 2011 г. на презентации движения «Грузинская мечта» его лидер бизнесмен Бидзина Иванишвили объявил, что оно «станет силой, которая будет контролировать власть». Однако по многим вопросам – восстановлению территориальной целостности, «внедрению западных ценностей», вхождению в ЕС и НАТО – позиция движения совпадала с позицией правящей партии. А вот в качестве социальной составляющей национальной мечты было объявлено о борьбе с безработицей и необходимости повышения благосостояния населения[25]. Идею мечты олицетворяли конкретные персоны: политик С. Субари, экс-дипломат Т. Джапаридзе, гроссмейстер З. Азмайпарашвили, футболист К. Каладзе. По итогам парламентских выборов 2012 г. избирательный блок «Грузинская мечта – Демократическая Грузия» получил более половины мест в парламенте, что дало ему реальный шанс на воплощение мечты избирателей.

В некоторых политических обстоятельствах сложно определить, насколько национальная мечта, выражаемая представителями власти, является мечтой народа. О национальной мечте, сформулированной в Северной Корее – «мечте о могуществе», – можно судить по таким фактам, как размещенный правительством КНДР в Интернете трехминутный видеоролик о молодом человеке, который спит и видит, как ракета дальнего радиуса действия разрушает город, очень похожий на Нью-Йорк, окутанный американским флагом. В результате атаки город лежит в руинах[26]. Все действие ролика происходит на фоне романтической мелодии Майкла Джексона «We Are The World». В титрах идет текст: «Где-то в Соединенных Штатах клубились облака черного дыма. Похоже, что это пылают гнездилища зла». За день до размещения видеоролика КНДР пригрозила США «более серьезными мерами, чем ядерные испытания» в ответ на санкции ООН, введенные после запуска ракеты в декабре 2012 г. С одной стороны, видеоролик не может не тревожить, напоминая об угрозе, которую представляют собой ядерные испытания для региона и всего мира. С другой стороны, это видео больше похоже на PR-ход: лидеры КНДР известны склонностью к ярким образам в своей риторике, тем более, если она касается отражения национальной мечты о силе и могуществе этого государства. Поэтому, когда в марте 2013 г. телеграфное агентство КНДР распространило заявление о том, что Северная и Южная Кореи находятся «в состоянии военного времени», многие СМИ восприняли эту формулировку как объявление войны. Но, так или иначе, во всем мире к подобным заявлениям из Пхеньяна вынуждены были отнестись серьезно, особенно в контексте их соответствия национальной мечте КНДР.

В том, что «китайская мечта» должна стать воплощением национальной идеи, можно было бы увидеть некие аналогии с моделью «американской мечты», если бы не глубокие различия в политической культуре КНР и США. «Китайская мечта», как отметил избранный председатель КНР Си Цзиньпин на сессии высшего законодательного органа страны – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), направлена на реализацию концепции Дэн Сяопина о построении «социализма с китайской спецификой»[27]. Эта мечта соединяет в себе дух патриотизма, реформ, проводимых с целью национального возрождения, и построение мощного государства. Си Цзиньпин призвал решительно бороться с коррупцией и злоупотреблениями, а также излишней бюрократией, отметив, что власть должна проявить сдержанность и экономность в своих расходах, чтобы повышать благополучие народа.

Историческая энергия общества, его инновационный потенциал и способность к развитию обусловлены как объективными условиями его существования, так и

особенностями коллективного целеполагания, выраженными в формах национальной мечты. Мечта является необходимым источником мотиваций, побуждающих к прогрессу[28], поскольку приземленные стремления не могут принести выдающихся результатов. В 2012 г. российские социологи попытались ответить на вопрос, есть ли собственная национальная мечта у россиян, проведя исследование, основанное на данных всероссийского социологического опроса[29].

Национальную мечту нельзя рассматривать как заданную на все времена социально-психологическую константу. «Русскую мечту» можно назвать «мечтой-трансформером»: за последние 100–150 лет она неоднократно меняла контуры, наполняясь новым содержанием. Вначале «русская мечта» конституировалась и долгое время существовала как «мечта о правде-справедливости». В условиях развивающегося промышленного капитализма складывалась народная мечта о приобщении к культуре и образованности. Она стала одной из составляющих революционного порыва начала XX в. В первые послевоенные десятилетия коллективные чаяния большинства советских людей определялись формулой: «Только бы не было войны». Это настроение четко отразилось в первых строчках написанного в 1947 г. Львом Ошаниным «Гимна демократической молодежи», который стал гимном Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ)[30]:

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.

В 1950–1960 гг. на основе ценностных ориентаций и моделей социального поведения, определяемых возвратом к мечте довоенного образца с верой в «коммунистическое завтра», сложилась специфическая форма социальности, обусловившая как впечатляющие достижения СССР периода его расцвета, так и подтачивавшие советскую систему противоречия, приведшие к ее крушению. С середины 1970-х гг. формировалась альтернативная прежним, коллективная мечта, генетически связанная с социальным запросом на формирование «общества потребления», с идеализацией Запада. Однако стремлению сблизиться с ним, вплоть до обретения некой единой идентичности, мешают глубокие различия чаяний современных россиян от мечты, воплотившейся в проекте Единой Европы, которая в отличие от «американской мечты» носит солидаристский характер и основана на модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой. Потенциал субсидиарности в России низок, а социальный мир россиянина представляет замкнутый на себя «малый мир» семьи, друзей, коллег по работе. Заметную роль играет взаимопонимание на почве общего жизненного опыта, а «классовая солидарность», необходимая для сплочения людей на защиту своих коллективных интересов, ощущение близости с единомышленниками, с людьми, разделяющими тот же тип культуры, незначительны.

«Русская мечта» имеет духовное измерение, выражающееся в высокой оценке деятельности православных подвижников и святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Матроны Московской и др. Их назвали символом народных чаяний и народной мечты свыше 14% респондентов. Это второй результат – меньше, чем у Петра I, но больше, чем у такой популярной исторической фигуры, как Екатерина II. А вот деятели всех направлений, пытавшиеся выступать выразителями народных стремлений помимо и, тем более, вопреки государству и Церкви, массовым сознанием отторгаются. Основательность их претензий на выражение народной мечты признают от всего лишь 1% (для русских националистов) до около 2,5% (для диссидентов советской эпохи, включая А.Д. Сахарова) опрошенных. Около четверти населения Российской Федерации не видит для себя кумиров в прошлом и считает, что в качестве символа и выразителя народной мечты не может рассматриваться ни один из деятелей прошлого и настоящего. Единственное исключение – Ленин: голосовавшие на президентских выборах за Г.А. Зюганова называли его символом «русской мечты» почти в 2,5 раза чаще, чем в среднем по выборке. Но и среди коммунистического

электората Петр I был значительно популярнее вождя пролетарской революции (36% против 24%).

«Русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. Свобода в российском понимании реализуется не как возможность обеспечения определенных прав, соотнесенных с известными обязанностями, а как возможность «быть самому себе хозяином». Это есть та же русская «воля», выражающая себя в разных формах, но всегда предполагающих энергетическую разрядку. Вряд ли надо удивляться тому, что для большинства россиян на первом месте стоят их личные надежды и заветные желания, прежде всего, – жить в достатке, не считать копейки (40% опрошенных). На втором месте наряду с личным – иметь хорошее здоровье – появляется общественное – мечта жить в разумно устроенном, справедливом обществе.

В понятии «национальная мечта» лежит ключ к пониманию противоречивости оценок складывающейся в России социально-политической ситуации. Если такая мечта в настоящее время существует, то она настолько аморфна, что ее сложно выразить в четко артикулированном виде. Результаты социологических исследований указывают на то, что в массовом сознании имеются компоненты, из которых «синтезировалась» «русская мечта» в прошлом – сильно выраженное чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как «воли», идея государства как «общего дела», приоритет социальных прав над политическими. Их можно считать базовыми элементами «национальной мечты», но для того, чтобы стать такими же основополагающими конструктами национальной идеи, явно не хватает ощущения необходимости обретения счастья, не индивидуального, а коллективного, что было присуще предыдущим периодам развития страны. Возможно, для этого важно осознание значимого места Российского государства в международной системе.

Мы живем в глобальном мире. Поэтому мечты каждого народа, населения каждого суверенного государства неизбежно выходят на глобальный уровень, где они сливаются в общую мечту. Что она представляет собой, является ли общечеловеческой мечтой и как корреспондируется с общечеловеческими ценностями? Оценке роли мечты в международных отношениях мешало длительное господство концепции политического реализма. Единственным зазором в этой парадигме было видение задач международных организаций, мечта о которых родилась задолго до их появления. С 1300 по 1800 г. было предложено около 30 проектов международных организаций, направленных на обеспечение международной безопасности. Анри Сен-Симон мечтал о Европейском парламенте как способе предотвращения войн. Иеремия Бентам считал образование международного суда универсальным средством разрешения конфликтных межгосударственных ситуаций. Иммануил Кант видел необходимость создания мирового правительства в виде «лиги мира для свободных государств». В начале XX в. появилось более 80 таких проектов. В то время были популярны мечты немногих ярких личностей о пользе унитарного мирового правительства, по версии Г. Уэллса, который в 1913 г. написал повесть «Освобожденный мир». Гораздо больше было тех, кто разделял мечту Джузеппе Мадзини или Вудро Вильсона о том, что международное правительство должно работать с национальными правительствами.

Марк Мазовер, профессор Колумбийского университета, излагая историю международных организаций[31], отмечает, что семантический сдвиг в разговорах о «мировом правительстве» в сторону бесед о «глобальном управлении» указывает на то, что человечество отказалось от мечты о всеобщем правительстве[32]. В 1970–1980-х гг. люди перестали говорить о достоинствах мирового правительства, а начали – о достоинствах управления. При этом мечта о глобальном управлении не сформировалась до сих пор, является расплывчатой, не ассоциируется с представлениями об эффективности внутри- и внешнеполитических действий суверенных государств.

Пока же образование ООН остается единственным воплощением мечты человечества о мироустройстве без войн, разрушений, страданий миллионов людей. А вот мечта о поступательном развитии и

процветании народов ограничена теми рамками, которые зафиксированы в лозунге Всемирного банка: «Наша мечта – Мир, свободный от бедности». И это все, к сожалению.

---

[1] Паустовский К.Г. Повесть о жизни // http://www.modernlib.ru/books/paustovskiy_konstantin_georgievich/povest_o_zhizni_knigi_13/read/

[2] Дмитрий Петров: Язык оживет, если на нем будут интересно писать // http://centerpetrova.ru/about.

[3] Чайнард Д. Американская Мечта / Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. I. М.: Прогресс, 1977. С. 245.

[4] Уэллс Г. Россия во мгле / Пер. А. Голембы / Уэллс Г. Собр. соч. в 15 тт. М.: Правда, 1964. Т. 15. С. 313–376.

[5] «Город на холме» (Ис. 2:2–3, Мф. 5:14) – английские версии Библии используют слово, переводимое как «холм», в русском Синодальном переводе употребляется слово «гора» для обозначения образцового воплощения избранными воли Бога. Оно будет оплотом спасительной веры, где найдут пристанище все «блаженные духом».

[6] Bercovitch S. The Problem of Ideology in American Literary History // Critical Inquiry. Vol. 12. № 4 (Summer, 1986). P. 646.

[7] Алджер Г. Все истории Дика Хантера, оборванца и богача. М.: АСТ, 2011.

[8] Adams J.T .The Epic of America. N.Y.: Simon Publications, 2001.

[9] Об американской мечте, немецкой аккуратности и сопле голландской // http://www.gramma.ru/RUS/?id=14.67.

[10] Рузвельт Ф. «Единственное, чего мы должны бояться, – это страх» / Речи, которые изменили мир. М.: Издательство Манн, Иванов и Фербер, 2008. С. 119–120.

[11] Кинг М.Л. «У меня есть мечта» / Там же. С. 169–175.

[12] Там же. С. 172.

[13] Скачко В. Три брата-аристократа Америки (по материалам журнала Stern и сайта ОРД) // http://telegrafua.com/world/12622/

[14] Sawhill I.V., McMurrer D.P. American Dreams and Discontents: Beyond the Level Playing Field // U.S. Society and Values. USIA Electronic Journals. Vol. 1. 1997 (January). № 20. // http://www.4uth.gov.ua/usa/english/society/ijse0197/opp_01.htm.

[15] Gitlin T. The Coloring of America / The Twilight of Common Dreams. Why America is Wracked by Culture Wars? N.Y.: Henry Holt & Co, 1995. Pp. 107–125.

[16] Nihaoareyou, Inc – Nihaoareyou.com.

[17] American Dreams Combines Social Gaming, Education and International Relations // http://www.insidefacebook.com/2010/11/30/american-dreams-combines-social-gaming-education-and-international-relations/

[18] Костенко С. Партия как бренд // Журнал о выборах. 2010. № 35. С. 38.

[19] Декларация независимости Израиля // http://www.eleven.co.il/article/11392.

[20] Швейд Э. Цели современного сионизма // http://posolstvo.narod.ru/lib/zionismgoals.html.

[21] Сабра (Цабар) – самоназвание еврея-израильтянина, в отличие от эмигранта-репатрианта, родившегося в своей стране. Есть аллегория данного самоназвания с названием плода кактуса сабра, колючим снаружи и сладким внутри.

[22] http://www.panelsltd.com.

[23] Мечтать, несмотря ни на что!// http://www.polosa.co.il/blog/13397/

[24] http://www.eco-tv.md/ro/menu-films/276-2010-03-22-12-13-44.

[25] Суварян Н. Иванишвили презентовал «Грузинскую мечту» // Эхо Кавказа. 2011. 11 дек.

[26] Корейская мечта // http://rln.fm/arhiv/politics/foreigner/1274-koreyskaya-mechta.html.

[27] ИТАР-ТАСС. 2013. 17 марта.

[28] Андреев А.Л. И Какая же она, Русская мечта // http://irsolo.ru/i-kakaya-zhe-ona-russkaya-mechta/

[29] Аналитический доклад «О чем мечтают россияне (размышления социологов», подготовленный в сотрудничестве с Фондом Эберта// http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.

[30] Ошанин Л. Гимн демократической молодежи // http://rupoem.ru/oshanin/deti-raznyx-narodov.aspx.

[31] Mazower M. No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2009; Mazower M. Governing the world: the history of an idea. N.Y.: Penguin Press, 2012.

[32] Kalaga A. Dreaming The International Dream // http://theglobaljournal.net/article/view/984/#. 2013. 22 янв.